

Пролог

1891 год, 3 июня, 23 часа 11 минут

*Германская империя, резиденция французского
дипломата в Берлине Жана-Пьера Дюбуа*

Ох уж эти поздние визиты... Хотя бы раз звонок в дверь после десяти часов вечера принес с собою что-то хорошее. Письмо от доброго друга. Посылку с цветами или сладостями. Да хотя бы простой заблудший путник постучался бы, чтоб справиться, как выйти на Унтер-ден-Линден, чтобы сесть в конку, — я была бы лишь рада помочь!

Но не с моим счастьем, разумеется.

Софи и малютка Андре мирно спали в кроватках, горничная Кристина давно ушла домой, а кухарка фрау Кремер и вовсе взяла нынче выходной — собиралась поехать к сестре. Я же, как бывало часто, засиделась со словарями: не могла позволить себе лечь спать, покуда не переведу с немецкого на французский все двадцать три страницы — обязательную норму, что сама для себя установила.

Однако все это имело значение до злосчастного звонка в дверь. С ним все мысли вылетели из головы, заставив внутренне сжаться и судорожно перебирать в уме варианты, кто бы это мог быть.

Супруг две недели назад покинул Берлин по служебным надобностям, которые у местных властей могут вызвать вопросы, — еще и оттого мне было не по себе.

И снова звонок...

Я заставила себя собраться. Вложила карандаш, как закладку, меж страницами словаря, намереваясь вернуться к нему минутой позже, стянула со спинки стула шаль и накинула на плечи. Поторопилась в переднюю, чтобы открыть. Однако уже на лестнице услышала звенящий от возмущения голос Бланш, нашей няни, беседующей с незнакомцами.

И незнакомцы эти мне не понравились сей же час, как только я их увидела.

Было их четверо человек, ворвавшихся в нашу крохотную переднюю, оставивших следы грязи на новом ковре.

— Фрау Дюбуа, полагаю? — спросил один из них, грубо оттолкнув к стене бедняжку Бланш, ему препятствующую.

Этот, очевидно, был главным — высокий светло-волосый немец с военной выправкой, одетый тем не менее в штатское. На вид, должно быть, около тридцати пяти. Тонкие губы, сложенные в обманчивой полуулыбке, и бесцветные внимательные глаза на сухом, вытянутом, как у англичан, лице.

Я плотнее запахнула шаль и попыталась сохранить самообладание.

— Мадам Дюбуа, — веско поправила я. — Мой муж — французский дипломат, и нынче он в отъезде. Что здесь происходит?

Тонкие губы искривились в еще более мерзкой улыбке:

— Нам отлично известно, кто вы, мадам Дюбуа, и кто ваш муж. У нас приказ, извольте подчиниться.

Он помахал в воздухе бумажкой, но в руки ее дать и не подумал. Только велел безотлагательным тоном:

— Собирайтесь немедленно, можете взять с собою два чемодана. Да сами оденьтесь потеплее: прохладное в этом году выдалось лето, а дорога нам предстоит неблизкая.

Сказать, что испугалась, — значит ничего не сказать. Мне казалось, сердце сейчас выскочит из груди! Тем удивительнее, почему мой голос звучал неожиданно твердо:

— Вы не имеете права нас трогать! Мы французские подданные. Сомневаюсь, что ваше начальство, кем бы оно ни было, хочет проблем с Парижем!

И, теряя всякую надежду, ахнула, когда один из незнакомцев — низенький, рыжий, с неаккуратными обвисшими усами — вдруг отодвинул полу сюртука. Под ним в полутьме прихожей блеснула рукоять револьвера. Бланш вскрикнула и закрыла руками рот. А рыжий тип, злорадно ослабившись,

вынул револьвер и медленно поднялся ко мне по лестнице.

Я тяжело сглотнула, когда ледяное дуло револьвера уперлось в мою шею чуть выше ключицы.

— Плевать мы хотели на твой Париж, куколка, — вкрадчиво произнес рыжий мне на ухо.

Блондин его не остановил. Спросил только:

— Есть еще кто в доме?

— Никого, — громче, чем следовало, ответила я.

И мысленно молила Софи проснуться и спрятаться с малышом хотя бы под кровать.. Я учила ее этому, много раз объясняла, что делать, если случится что-то подобное, — но она еще так мала!

Блондин мне не поверил.

Мотнул головой, отдавая приказ рыжему, и сердце мое ухнуло вниз, когда, убрав револьвер, тот хмыкнул и скоро взбежал по лестнице.

— Не надо! — теряя самообладание, вскрикнула я. — Там мои дети. Они совсем малы, старшей девочке всего пять лет. Умоляю, не троньте их — я поеду с вами куда скажете... Пускай дети останутся с Бланш, прошу вас!

— Бланш Перье? — вкрадчиво спросил блондин, в упор разглядывая девушку. — Боюсь, это невозможно: фройляйн Бланш придется поехать с нами. Тем более что вы будете слишком заняты, мадам Дюбуа, чтобы присматривать за детьми.

Девушка дрожала всем телом, судорожно оглядываясь то на меня, то на блондина. А я до сих пор не верила, что все это происходит на самом деле.

— Нет, нет... Бланш здесь совершенно ни при чем, позвольте ей и детям остаться!

— Ни при чем? — развеселился мой визави. — А своей вины, выходит, вы не отрицаете?

— За мной нет никакой вины... — без сил, но твердо ответила я.

И, пожалуй, только теперь поняла, что к своим переводам я не смогу вернуться ни сегодня, ни завтра.

Глава 1

4 июня, 08 часов 43 минуты

Германская империя, лиман Унтерварнов, Рóсток

Пароход уходил из Ростока, портового города на северо-востоке Германской империи. Уходил в Петербург. Наверное, мне стоило радоваться: не об этом ли я мечтала все шесть лет в изгнании? Что муж заслужит прощение на родине и что нам позволят вернуться. Мечтала, что мои дети будут расти в том же городе, где росла я; смогут свободно, без страха вызвать лишние вопросы, говорить на русском языке и, главное, носить свою настоящую фамилию.

Да, именно об этом я мечтала.

Так почему же, глядя на медленно отдаляющуюся пристань чужого города, я совершенно не могла сдержать слез? Расчувствовалась настолько, что в конце концов на меня обратил внимание один из членов экипажа:

— У вас все хорошо, мадам?

— Да-да, — слишком поспешно отозвалась я, чем насторожила его еще больше. — Просто соринка в глаз попала... ветер.

А между прочим, судя по нашивкам, то был совсем не рядовой член экипажа, а один из помощников командира корабля. Я тотчас отругала себя. Нельзя привлекать внимание! Что я себе позволяю вообще?!

— Все хорошо, уверяю вас, капитан...

— Обер-лейтенант цур зее* Герман Вальц, — представился тот с галантным, почти светским поклоном. — Если не ошибаюсь, мадам Дюбуа? Первая каюта?

Я изумленно приподняла брови:

— У вас прекрасная память.

— Профессиональная, — мягко улыбнулся он. — Проводить вас?

— Не стоит. Я еще подышала бы морским воздухом.

— Что ж, не буду вам мешать в таком случае. Однако я всегда к вашим услугам, ежели что-то понадобится.

— Благодарю, вы так добры...

— Что угодно, — веско добавил тот. — Даже если это просто носовой платок.

Я невольно улыбнулась. Впервые подняла глаза, чтобы посмотреть ему в лицо. Господин обер-лейте-

* *Цур зее* (от нем. *zur See*) — на море. Добавление к званиям офицеров флота (*здесь и далее прим. авт.*).

нант оказался весьма хорош собою — лет тридцати пяти, высок, темноволос и черноглаз. В общем, настолько в моем вкусе, что я смутилась.

Однако более обмениваться любезностями с красавцем лейтенантом не пришлось: еще до того, как опустить глаза, я услышала по-кошачьи мягкие шаги за своей спиной. А мгновением позже властная ладонь придержала меня за локоть.

— О, это внушает доверие, когда члены экипажа поименно знают своих пассажиров. Представьте меня вашему новому другу, любовь моя?

С его бы тонким слухом романсы по нотам разбирать. Я обозлилась, правда, в этот раз больше на себя, чем на него. И конечно, оставалась любезной:

— Рада, что вы присоединились к нам, дорогой. Я уж было подумала, вас одолела морская болезнь. Обер-лейтенант Вальц — месье Дюбуа, мой супруг, — представила я мужчин друг дружке.

Все втроем мы говорили на немецком: у моих собеседников он был на высоте, что неудивительно. Смею надеяться, и я не ударила в грязь лицом. Как-никак именно переводами с немецкого на французский (обычно художественной литературы) я и занималась последние шесть лет. А кроме того, неплохо говорила на английском. И на русском, конечно же, хотя о том предпочитала не распространяться.

Мужчины светски раскланялись, а обер-лейтенант вновь заставил подивиться своей осведомленности:

— Месье Дюбуа — французский дипломат в Берлине, — он уважительно склонил голову, — наслышан о вас, разумеется. Полюбопытствовал бы, что привело вас на «Унди́ну», но боюсь, как бы ваше ведомство в ответ не заинтересовалось моей скромной персоной.

Мужчины поулыбались милой шутке, вымученно изобразила любезность и я. После чего обер-лейтенант Вальц все же выпросил позволения проводить нас до трапа.

— Не удивляйтесь моей осведомленности, месье Дюбуа, — объяснился все-таки он. — «Унди́на» — огромный лайнер вместимостью почти семьсот пассажиров, однако нынешним летом маршрут не пользуется большой популярностью. На борту, видите ли, всего сто четырнадцать пассажиров. А в первом классе из них и вовсе шестеро. Кроме вас — аптекарь из Гамбурга с семьей, делец из Северо-Американских Соединенных Штатов и одна популярная артистка из Франции, ваша землячка.

Я попыталась отстать, изо всех сил надеясь, что обо мне забудут. Любая беседа давалась мне сейчас нелегко, и я предпочла бы прогуляться в одиночестве. Тем более посмотреть было на что: пароход огромный, британской постройки — с многоярусными палубами, множеством гостиных, убранных с несвойственной немцам пышностью, с обеденными залами, рестораном, библиотекой и даже, кажется, парной.

А над машинным отделением, самым сердцем парохода, то ли для большего света внизу, то ли для любопытства пассажиров построили стеклянный куполообразный витраж поперек всей палубы. Что детвора, что господа в возрасте наблюдали за работой механизмов с большим интересом. Перестав слушать мужчин, и я надолго увлеклась разворачивающимся внизу действием: подобных размеров двигатель я видела впервые, и надо сказать, слаженная, размеренная работа такого гиганта, что приводила в жизнь гиганта еще большего — весь пароход — завораживала не меньше, чем буйство волн за бортом.

— Вижу ваш интерес, мадам: это и есть паровая машина, — снова настиг меня голос обер-лейтенанта. — В топку мы забрасываем уголь, и он нагревает котлы с водою. А после двигатель преобразует напор водяного пара в возвратно-поступательное движение поршня, который в свою очередь вращает вал и гребные винты. Благодаря этому мы и держимся на плаву. Вы уже наблюдали гребные винты вблизи, мадам Дюбуа?

Господин обер-лейтенант наклонился ко мне, чтобы я хоть что-то расслышала из-за шума этой самой паровой машины. А я подумала, странно, что во время учебы в Смольном у меня и мысли не было влюбиться в нашего преподавателя естественных наук. Двигатели, паровые машины, поршни... мое сердце точно немного сбилось с ритма, пока я слушала эту занимательную историю.

Впрочем, скорее всего, дело в мундире морского офицера, который так славно сидел на подтянутой фигуре обер-лейтенанта Вальца.

В любом случае прыжки моего сердца мне не понравились. Я нахмурилась, чуточку отстранилась и собралась уже ответить вежливо и прохладно — но за меня это сделал мой не очень-то воспитанный супруг:

— Мы хотели бы, конечно, поглядеть на это ваше техническое чудо, но позже, — сказал он с плохо скрытым раздражением. — Полагаю, сейчас мадам Дюбуа устала и хотела бы присесть.

— Мадам Дюбуа вполне может ответить за себя сама, мой дорогой, — отозвалась я. Сохранять любезную улыбку становилось все труднее.

— Не сомневаюсь, любовь моя, что можете. Но я всего лишь предугадываю каждое ваше желание, как и обещал когда-то.

Я бросила на него колючий взгляд. Но промолчала. Обер-лейтенант же продолжал оставаться душкой:

— Я провожу вас к каютам первого класса, — кашлянул он, невзначай встав между мной и супругом. Я была не против.

— Стало быть, о пассажирах второго класса и третьего вы осведомлены не так хорошо, господин Вальц? — поинтересовался мой супруг, продолжив начатый без меня разговор.

Тот развел руками: